

А.А. Серых

кандидат исторических наук,

преподаватель Самарского архитектурно-строительного университета

serykha@gmail.com

«ВСЕ, БОЛЬШЕ ПО ИСТОРИИ НИЧЕГО ИНТЕРЕСНОГО НЕ БУДЕТ». РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ИСТОРИКАМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ*

В статье раскрываются особенности репрезентации Великой Отечественной войны историками двух поколений, которые получали школьное образование в 1960-1980х гг. Анализируется специфика памяти о далеком/недавнем прошлом.

The paper deals with the representation of the Great Patriotic War by the historians of two generations who got a school education in 1960-1980s. The author analyzes the peculiarities of the memory of the remote/recent past.

Ключевые слова: поколение, Великая Отечественная война, память, история

Keywords: generation, the Great Patriotic War, the memory, history

Современному российскому обществу, точно также как и любому другому обществу, присуще свое, индивидуальное историческое сознание, которое включает в себя определенную историческую и геополитическую картину мира. Отметим, что историческое сознание социума проявляет культурно-историческую специфику своего времени, при этом оно достаточно индивидуально по отношению к каждому конкретному человеку, так как знания и получаемый жизненный опыт субъективны. Но в тоже время, несмотря на все многообразие индивидуальных оттенков, в этой исторической картине мира есть общие элементы.

И.Л. Щербакова отмечает, что для современного молодого поколения характерна двойственность памяти о Великой отечественной войне. С одной стороны, речь идет о «семейной памяти», эта память отличается яркостью и эмоциональностью. С другой стороны, «война для них – нечто абстрактно-застывшее, лишённое какой бы то ни было, пусть даже мифологизированной, но живой памяти, набор клише из брежневской эпохи, заученных формул»¹. Источниками этой, «официальной памяти» становятся для молодого поколения, в том числе и современные историки, и учителя. Но можем ли мы перекладывать всю ответственность за «штампованную историю» на историков?

Современное российское научное сообщество историков не монолитно, его можно дифференцировать, основываясь на огромном количестве критериев. Например, по тематическим направлениям проблематики исследовательской деятельности, методологическим предпочтениям, территориально и т.д. Еще один важный критерий – это поколенческая дифференциация. Почему генерационный критерий для нас не менее важен, чем любой другой? Потому что зависимости от принадлежности человека к тому или иному поколению, его индивидуальная картина мира, а следовательно, и историческое сознание, приобретает набор специфических черт.

© Серых А.А., 2013

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда М. Прохорова, в рамках программы «Карамзинские стипендии 2013».

¹ Щербаков И.Л. Над картой памяти. // Неприкосновенный запас, 2005 №2-3 (40-41). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/sh13.html>

Человек, являясь профессиональным историком, транслирует определенные исторические представления молодому поколению людей и обществу в целом. На чем основаны эти представления? С одной стороны, они основаны на тех академических знаниях, которые историк получает в процессе профессионального обучения, а впоследствии и работы. И этот набор знаний у нескольких поколений, сосуществующих в в одном временном отрезке примерно одинаков. Более того, история – это статичная наука, и присутствующие в ней факты не изменны. Например, из отечественной истории нельзя «выкинуть» период правления Ивана Грозного или Петра I, в какой бы период времени человек не получал даже базовое историческое образование.

С другой стороны, вторым основанием исторических представлений ученых и преподавателей разных поколений является индивидуальный жизненный опыт. И этот момент является принципиальным. В зависимости от характера и особенностей личностного опыта человека, а также социокультурных особенностей, в которых формировалось поколение, характер тех исторических представлений, которые историки транслируют следующему поколению, может меняться. Почему это важно? Потому что отдельные, специфические черты поколения, особенности репрезентации прошлого, или восприятия настоящего накладывают отпечаток на характер и содержание той информации, которую они транслируют современному молодому поколению людей.

Если учесть тот факт, что в современном научном сообществе активно действуют как минимум два поколения историков, то мы можем предположить, что те исторические представления, которые они транслируют молодому поколению, могут несколько различаться, в результате могут возникать проблемные, сложные ситуации. Причина этого будет заключаться, в том числе и в генерационной дифференциации историков.

При этом трансляция исторических знаний – это передача молодому поколению уже некоего готового продукта. Но как эти исторические представления формировались? В каких условиях? Что было причиной формирования уникального характера тех или иных исторических представлений, с учетом того, что содержательная часть транслируемого знания не меняется, при этом возможно изменение акцентов.

Рассмотрим процесс формирования исторических представлений двух поколений современных историков на примере формирования представлений и восприятия Великой Отечественной войны. В настоящее время история и отдельные аспекты ВОВ стали одними из самых актуальных исторических вопросов как в научном², так и политическом смысле³. В связи с этим, нам кажется важным изучение процесса формирования исторических представлений о Великой Отечественной войне у современных поколений историков.

Ю.А. Левада выделяет в истории России XX века шесть сменяющих друг друга поколений⁴. В ряду прочих он называет и поколение «застоя», - людей, родившихся с 1944 до 1968 гг., и поколение «перестройки и реформ», – тех, кто родился в конце 1960-х гг.⁵ В рамках исследования мы несколько конкретизировали хронологические рамки этих двух поколений. К старшему поколению историков мы относим людей 1950-1967 годов рождения. К младшему поколению мы относим людей 1968-1975 годов рождения. При этом подход Ю.А. Левады и сформулированная схема поколений остается основополагающей.

Глубинные интервью стали для нас одним из основных исследовательским источником.

² Международная конференция «Вторая мировая война, нацистские преступления и Холокост на территории СССР». Москва, НИУ ВШЭ. 7-9 декабря 2012; конференция «Вспоминая диктатуру и войну. Болевые точки исторической памяти в России и Германии после 1945 года». Москва, РАН. 12-13 марта 2012; Международная конференция «Война на уничтожение: реакция, память. Немецкий оккупационный режим в Советском Союзе в 1941-1944» Берлин, 22-24 ноября 2012; российско-французский семинар «После Второй мировой: депортация, принудительное перемещение, миграция». Москва, 3-4 сентября 2013.

³ Например, в январе 2013 г. депутаты Волгоградской городской думы приняли решение использовать официальное название «город-герой Сталинград» в памятные даты, связанные с Великой Отечественной войной (6 дней в году).

⁴ Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю.А. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 39-60.

⁵ Там же, С.44.

А. Серых «Все, больше по истории ничего интересного не будет».

Репрезентация памяти о Великой Отечественной войне историками разных поколений

Интервью проводилось с марта по сентябрь 2013 г. в Москве и Самаре. Было опрошено 15 информантов 1950-1975 годов рождения. В интервью принимали участие историки, которые учились в школах Москвы, Санкт-Петербурга, Еревана, Самары, Новосибирска, Омска, Ростова-на-Дону, Рыбинска. Из них 7 респондентов мы относим к условному старшему поколению и 8 к младшему. Все интервью проводились на условии анонимности, поэтому в примечаниях к тексту будет указываться пол респондента, а также время обучения в школе.

Мы учитываем тот факт, что профессиональная деятельность и профессиональные знания респондентов, несомненно, накладывают отпечаток на ту информацию, которую они дают во время интервью. Анализируя воспоминания того или иного респондента, приходится принимать во внимание его исследовательские, методологические и, конечно, преподавательские предпочтения, и учитывать, каким образом эти факторы могут форматировать восприятие прошлого.

Специфический образ каждой из генераций историков начинал формироваться в детском и юношеском возрасте. Социокультурный опыт этих двух генераций во многом (но не во всем) похож, но в то же время он имеет принципиальное различие. Общность этих поколений заключается в том, что и то, и другое поколение закончили советскую школу, структура, традиции и система работы которой не менялась на протяжении почти четырех десятилетий. Методы работы советской школы начала 1960-х годов во многом похожи на методы и систему работы школы в начале 1980-х годов.

Однако пост-школьная и тем более пост-вузовская траектории этих поколений принципиально различаются. Старшее поколение успело закончить не только школу, но и университет и даже начать профессиональную деятельность, до того момента как «ветер перемен» внес существенные изменения в социокультурную атмосферу общества. В то же время младшее поколение получало высшее образование уже в совершенно новых социокультурных и политических реалиях. Историки этих двух поколений в настоящее время, занимаясь научной, преподавательской и просветительской деятельностью, оказывают влияние на формирование общественной исторической картины мира школьников, студентов и российского общества в целом.

Отношение к Великой Отечественной войне является принципиальным вопросом, при сравнении тех материалов, которые получены в процессе бесед с историками поколения старшего и младшего поколения. В 1965 г. с празднования юбилея войны в государстве начинается идеализация этих событий. Согласимся с мыслью Щербаковой о том, что в 1960-1980-х гг. существует две памяти о войне: «С одной стороны, власть всячески пытается использовать память о войне и, главное, победу в ней как свой фактически последний реальный идеологический фундамент <...> С другой стороны, эта память в те же годы - едва ли не главный источник десталинизации и критики режима - даже в подцензурных условиях»⁶.

Тема изучения Великой Отечественной войны подробно разбирается и в методической литературе. Так, в методическом пособии для уроков истории в четвертом классе отмечается: «На уроках, посвященных Великой Отечественной войне, у учащихся воспитывается восхищение мужеством и героизмом советских людей, священная ненависть к фашизму <...> Уроки, посвященные Великой Отечественной войне, должны воспитывать у учащихся чувство горячей любви к Родине, к советскому народу»⁷.

Для старшего поколения, война – это события фактически «вчерашнего дня». Для людей, рожденных в конце 1950х гг., война, это не некий эпизод из прошлого, пусть даже наполненный определенными смыслами (патриотическими, моральными). Для старших историков этого поколения, война является абсолютно личным событием:

«Мама, бабушка пережили две оккупации, дядька погиб в сорок втором году, когда немцы прорвали фронт и прошли от Калача до Сталинграда. Как раз в этот день и погиб. Это все было очень личностное, это раз. Во-вторых, война, с одной стороны, казалась очень далеко <...>

⁶ Щербаков И.Л. Над картой памяти. // Неприкосновенный запас, 2005 №2-3 (40-41). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/sh13.html>

⁷ Голубева Т.С. Геллерштейн Л.С. Методическое пособие по истории СССР. 4 класс. М., 1986. С.170.

с другой стороны, это было очень близко. Разговоры о войне, это рассказы мамы, бабушки об оккупации»⁸.

Из цитаты видно, что для респондента история войны — это история семьи и история повседневности. Респондент в детстве лично видел последствия войны, восстановление города. То есть история войны для старшего поколения, это фактически личный жизненный опыт.

Еще очень важно посмотреть, как историки этого старшего поколения анализируют школьный курс истории в связи с войной, как определенным историческим событием:

«Не случайно школьники, когда доходили до войны говорили: «Все, больше по истории ничего интересного не будет.» <...> потому что дальше, вот только война заканчивалась, дальше начинался только один треск»⁹.

Важно обратить внимание на восприятие школьниками войны как определенного хронологического рубежа между прошлым и настоящим. Историки старшего поколения так или иначе были свидетелями тех событий, которые происходили после войны. Ясно, что анализ этих событий происходит позже. В школе получаемая информация воспринимается на эмоциональном уровне интересно/не интересно. Впоследствии, в процессе получения знаний по конкретному предмету, к этому эмоциональному восприятию добавляется содержательный элемент и человек, уже основываясь на своих знаниях, точно определяет, почему для него было «не интересно», или урок воспринимался как «треск»:

«Потому что истинного содержания, реальной общественно-политической жизни, политической борьбы, в том числе и подковерной, движения инакомыслия, национальные процессы, все это в учебниках отсутствовало. Может и были учителя, которые рисковали своим детям это давать, но их было мало»¹⁰.

Здесь еще затрагивается позиция учителя, который мог рискнуть или не рискнуть дать материал, выходящий по своему содержанию или морально-нравственной оценке за рамки учебника. Важно, что в любом случае эти события воспринимаются как события недалекого прошлого или настоящего. У младшего поколения историков совершенно иное отношение к войне. Люди, рожденные в конце 1960-х – начале 1970-х гг. воспринимали историю войны уже через поколения. Если война и была частью семейной истории, то это был опыт поколения бабушек и дедушек, но не родителей. Для молодого поколения война была частью устной истории, которую они слышали от ветеранов:

«Вот точно также как, когда мы смотрим старые советские фильмы про войну, они нас не оставляют спокойными и равнодушными, и это часть нашей исторической памяти, очень важной для нас. И мы можем сказать, что несмотря на то, что мы войну не пережили, и мы в ней не участвовали, но мы ее все равно помним. И школьный музей имел совершенно особое значение для формирования воспоминания о войне и формирования отношения к войне, к ветеранам. И оно у нас в школе было, по крайней мере для меня, очень важным и особенным»¹¹.

Принципиальное отличие двух поколений историков заключается в том, что старшее поколение **видело** не войну, но ее последствия, и это было повседневностью их детства, а младшее поколение историков войну **помнит**. Для старшего поколения, война и ее последствия — это большая часть семейной истории и повседневности. Для людей, рожденных в конце 1960-х гг., война однозначно и совершенно четко становится событием прошлого, но не границей между прошлым и настоящим. Для младшего же поколения, война — это часть школьного патриотического воспитания, которое в разных школах реализовывалось по-разному.

И еще один важный момент, а именно как менялась память о ней. А точнее память о героях войны, которые, по мнению методистов, должны были стать образцами и примерами для подрастающего поколения школьников. К началу 1980-х гг. ситуация становится двойственной.

⁸ М., 1960-1970.

⁹ М., 1965-1975.

¹⁰ М., 1965-1975.

¹¹ Ж., 1975-1985.

А. Серых «Все, больше по истории ничего интересного не будет».

Репрезентация памяти о Великой Отечественной войне историками разных поколений

С одной стороны, в конкретных школах существуют конкретные учителя, которые своей работой, работой школьного музея, постоянными встречами с ветеранами актуализируют у школьников память о войне, как о значимом событии прошлого. Школьники принимают участие в работе музея и тем сами формируют собственное отношение как к войне, так и к истории страны. С другой стороны, основываясь на интервью, мы можем предполагать, что к середине 1980-х гг. память о войне становится формальной и безличной. В некоторых случаях патриотическое воспитание школьников сводилось к формальности, что находит отражение в критических замечаниях респондентов:

«Во всех школах вся военная символика была на месте. Я не помню, чтобы какая-то конкретная школа гордилась каким-то героем, но какие-то военные персонажи, безусловно, висели. <...> В рекреации там, где раздеваются дети, то есть там, куда они явно не смотрят, висели портреты военных героев»¹².

«Музей был у нас при школе. У нас такая школа, при которой формировалась какая-то дивизия народного ополчения в сорок первом году, и поэтому у нас есть школьный музей. Но это было настолько формально, я помню, эти ветераны бедные, которые там приходили что-то рассказывать. Никто, никто, точно могу сказать, к этому серьезно не относился <...> Это осталось в моей памяти как жалкая пародия на патриотическое воспитание. <...> В принципе было сделано все, чтобы все это заплыло, заформализовалось и ничего такого, «живой» памяти о войне, недавней казалось бы, тогда еще, такого не было»¹³.

В этих цитатах важны сразу несколько моментов. Отметим, что респонденты говорят о «каких-то» героях. Память о войне не персонифицируется, точнее она не ассоциируется с воспоминаниями о школе. И это очень важно. Респондент анализирует именно школьное восприятие войны. При этом каждый из них лично совершенно иначе относится и к войне как событию, и к людям, которые принимали в ней участие, об этом свидетельствуют анализ стены, на которую поместили портреты «там, куда они явно не смотрят», эмоциональное отношение к «бедным ветеранам» и общее отношение к патриотическому воспитанию в школе. Несмотря на это, у респондентов сформировалось абсолютно четкое восприятие войны, уважение к ветеранам и так далее, но к формированию этих представлений школа, в данных двух случаях, не имеет никакого отношения.

Можно предположить, что исторические представления историков младшего поколения, их отношение к Великой Отечественной войне сформировались в большинстве случаев не благодаря, а вопреки школе, в которой все воспитание свелось к формально-ритуальным действиям (линейка и концерт школьников по случаю 9 мая, встреча с ветеранами, портреты героев в рекреациях школ).

Таким образом, мы можем говорить о том, что младшее поколение историков, которое училось в школе в конце 1970-х — 1980-х гг., находилось в очень похожей ситуации в сравнении с современным молодым поколением. Более того, можно говорить о том, что они были первым поколением, получающим на уроках, внеклассных занятиях и торжественных мероприятиях набор клеше и заученных формул, и война превращалась в набор фактов. Но, основываясь на материалах интервью, мы можем утверждать, что, несмотря на сложность и специфику социокультурной ситуации, историки и старшего, и младшего поколения сформировали собственные исторические представления, во многом свободные от стандартных клеше и штампов. Этот факт дает надежду на то, что современное молодое поколение, со временем также сможет сформировать личностное восприятие истории войны, которое будет основано на целом наборе отдельных источников, в том числе и на исторических представлениях современных историков разных поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Т.С. Геллерштейн Л.С. Методическое пособие по истории СССР. 4 класс. М., 1986.
2. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России /

¹² Ж., 1981-1991.

¹³ М., 1975-1985.

Сост. Ю.А. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 39-60.

3. Щербаков И.Л. Над картой памяти. // Неприкосновенный запас, 2005 №2-3 (40-41). Электронный ресурс. Режим доступа:
<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/sh13.html>